
СТАТЬИ

А. БЛОК В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ В. ШАЛАМОВА

Д.В. Кротова

Ключевые слова: поэзия XX века, Шаламов, Блок, образ метели, задачи искусства, звуковой компонент стиха.

Keywords: poetry of the XX century, Shalamov, Blok, image of a snow-storm, challenges of art, phonetic component of verse.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-07

В формировании поэтики В. Шаламова существенная роль принадлежит влиянию А. Блока. Основательных литературоведческих трудов, прослеживающих характер взаимосвязи между художественными мирами Шаламова и Блока, пока недостаточно. Значимые наблюдения о родственных чертах в мышлении двух авторов содержатся в работах Л. Жаравиной [Жаравина, 2019; Жаравина, 2017], а также предисловии и комментариях В. Есипова к недавно вышедшему двухтомному изданию Шаламова в серии «Новая библиотека поэта» [Есипов, 2020; Есипов, 2020a]. Представляется, что детальное рассмотрение заявленной темы открывает перспективу глубокого осмысления поэтической генеалогии Шаламова.

Подтверждением тезиса о влиянии Блока на Шаламова может послужить анализ следующих аспектов: многочисленных высказываний о Блоке в художественной, эпистолярной и очерковой прозе автора «Колымских тетрадей»; параллелей в образном мире лирики двух поэтов; определенной общности Шаламова и Блока в понимании задач искусства; родственных элементов в сфере поэтической техники. Цель предлагаемой статьи заключается в последовательном аналитическом раскрытии обозначенных граней.

В мемуарах и письмах Шаламова нередко звучат суждения о том, что «Блок — для нас еще не открытая Америка» (Варлам Шаламов, 2013, т. 5, с. 113), «совершенно неизученный огромный поэт» (с. 195). По мнению Шаламова, Блок «нами до сих пор не оценён как следует» (с. 87), в то время как его произведения — это «величайшие вер-

шины русской поэзии» (с. 114). Ярким свидетельством глубоко личностного восприятия, а также основательного знания блоковских текстов является, например, автобиографический рассказ Шаламова «Афинские ночи»: главный герой вспоминает, как в период работы фельдшером в Центральной лагерной больнице на Левом берегу реки Колымы он вместе с коллегами организовывал в перевязочной поэтические вечера. Говоря о том, каков был его «взнос» (т.е. стихи каких поэтов он читал по памяти), Шаламов первым называет имя Блока. В архивных материалах находим следующую запись Шаламова: «Блок — вне шпаны, вне ее эстетических категорий, в то время как Есенин — символ»¹¹.

Глубокий интерес к наследию Блока сформировался у Шаламова еще в отроческие годы. Как свидетельствует Шаламов в эссе «Кое-что о моих стихах», еще в школе он «выступал с докладами о стихах — о Бальмонте, о Блоке» (с. 96). Особое, исключительно проникновенное отношение к лирике Блока Шаламов пронес через всю жизнь. И.П. Сиротинская, близко знавшая Шаламова в послеколымские годы, отмечала в своих воспоминаниях: «...как-то глубоко душевно он любил Блока. Когда он читал Блока, то никогда не говорил о поэтических находках, а словно ощущал что-то свое, душевное свое в Блоке. Иногда мне казалось — какие-то воспоминания молодости, эхо какое-то себя еще доколымского. Я об этом не выспрашивала — это столь тонкие ощущения, что их не надо высказывать вслух, переводить в слова. Только видела, как молодое дело, освещалось его лицо» (Сиротинская, 2013, с. 23).

В 1974–1976 гг. Шаламов работал над циклом стихотворений, посвященным Блоку. Предполагалось, что цикл будет состоять из пяти стихотворений (в рукописи заглавие цикла значится как «Пять отрывков о Блоке»), но полностью завершены оказались лишь два из них (см. подробнее: [Есипов, 2020а, с. 538]). В цикле нашел отражение прежде всего образ Блока как выразителя времени, правдивого свидетеля своей эпохи и одновременно поэта возвышенного душевного строя, романтика, которого не покидала «вера в свою звезду» (Варлам Шаламов, 2020, т. 2, с. 539).

Об исключительной роли Блока в художественном мышлении Шаламова свидетельствует и тот факт, что эпиграфом к своему масштабному поэтическому циклу — «Колымским тетрадям» — Шаламов взял именно блоковские строки: «Рожденные в года глухие / Пути не помнят своего. / Мы — дети страшных лет России — / Забыть не в силах ничего» (Александр Блок, 1960–1963, т. 3, с. 278). Именно эти строки Блока

¹¹ РГАЛИ. Фонд 2596. Оп. 3. Ед. хр. 183.

стали своего рода отражением ключевой идеи «Колымских тетрадей» — идеи сохранения исторической памяти, достоверного отражения и художественного осмысления пережитого, а также постижения судьбы человека в трагических перипетиях истории.

Выбор блоковского эпиграфа к «Колымским тетрадам» говорит о *глубинном родстве в самоощущении двух поэтов*: оба чувствовали себя очевидцами переломных моментов истории, обоим было свойственно чрезвычайно напряженное и острое ощущение соотнесенности собственной судьбы с драматическими изломами времени. Блок отмечал в записной книжке (№49, 1917 г.): «*Волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей слабой силой) я художник, т.е. свидетель*» (Александр Блок, 1965, с. 316). Шаламов сходным образом понимал миссию художника. Вполне справедливо утверждение Ф. Апановича о том, что «*обязанность свидетельства*» [Апанович, 1996, URL] о своей эпохе и ее трагических перипетиях ощущалась Шаламовым с особой остротой. Как и у Блока, у Шаламова чувство причастности времени было исключительно сильным. Для мироощущения Блока было характерно предчувствие и переживание гибельного слома, Шаламов же в полной мере испытал последствия этого слома.

В осмыслении своего времени, века, эпохи и Блок, и Шаламов зачастую обращались к одному и тому же поэтическому символу: речь идет об *образе метели*, который имеет глубокие историко-литературные корни и является одним из наиболее значимых и символических в русской поэзии и прозе. Вся лирика Шаламова пронизывают образы метели, вьюги, пурги. В активном внедрении этих мотивов в поэтический мир Шаламова прослеживаются не только художественные, но и биографические предпосылки: почти двадцать лет лагерей, долгий период жизни на крайнем Севере в условиях вечной мерзлоты. Снег, лед, метель — те реалии, которые постоянно окружали Шаламова. Но наряду с сугубо биографическими элементами важную роль сыграли и художественные корни этого образа, и на первом месте здесь именно блоковские истоки.

У обоих поэтов этот образ многомерен, объемён и включает самые разные грани: *он связан с размышлениями об историческом процессе, является важнейшей характеристикой мироощущения и судьбы поэта и, кроме того, обретает значение бытийного символа*. Раскроем каждую из названных граней более подробно.

Образ метели в качестве символа переломного времени находит отражение в ряде блоковских текстов, и наиболее очевидно — в поэме «Двенадцать». Известно, что метельная стихия «Двенад-

цати» воплощает собой дух революционной эпохи, ее противоречивость и хаос (не случайно Шаламов пишет о «метельном чаде» блоковской поэмы (Варлам Шаламов, 2020, т. 2, с. 253). Из хаотической стихии парадоксальным образом кристаллизуется некое представление о грядущей гармонии: герои поэмы «окажутся захвачены мистическим процессом рождения нового мира из хаоса старого устройства бытия» [Голубков, 2018, с. 144].

Трактовка образа-символа метели, представленная в поэме Блока, оказалась очень влиятельной в истории русской литературы, и Шаламов в своей интерпретации этого образа, безусловно, учитывает блоковский художественный опыт. У Шаламова, как и у Блока, метель зачастую становится символом трагической эпохи, как, например, в одном из стихотворений сборника «Кипрей», где лирический герой говорит о себе: «Я голос, потерявший эхо / В метельный, ледяный век» (Варлам Шаламов, 2013, т. 3, с. 218).

Размышляя об образе метели у как отражении духа эпохи, необходимо обратиться и к стихотворению Шаламова «Скрипач» (Варлам Шаламов, 2013, т. 3, с. 83–84), где остро драматически раскрыта тема художника и времени. Скрипач, играющий на заснеженной улице, под завывания метели, — обобщенный образ художника, который является плотью от плоти своей эпохи (звуки скрипки сливаются с воющей метелью, скрипач вплетает «дрожащий голос свой» в плач ветра). У Шаламова постоянно звучит мысль о том, что именно художник является самым правдивым выразителем своего времени, своего рода «барометром» эпохи. В то же время, образ музыканта становится и символом противостояния времени, противодействия его деструктивной, разрушительной силе.

И у Блока, и у Шаламова образ метели связан не только с осмыслением драматических поворотов истории. Во многих случаях он становится характеристикой *частной судьбы художника* и раскрывает глубинные пласты личностного, персонального бытия. У Блока образ метели в его «частном» измерении оказывается особенно значим во второй книге стихов (в циклах «Снежная маска», «Фаина»), а также, в значительной степени, в третьей книге (образ «бушующей» снежной весны в цикле «Кармен»). Метель предстает одновременно губительной стихией и, в то же время, сферой страсти, чувства, вдохновения. Лирический герой отдается во власть губительных сил, но именно благодаря этим силам он остро переживает ощущение полноты творческого и персонального бытия. В смертоносной метельной стихии лирический герой Блока ощущает тайную радость и свет («Нет исхода из вьюг, /

И погибнуть мне весело») (Александр Блок, 1960–1963, т. 2, с. 250). Гибель даже оказывается для него желанной («*Если сердце хочет гибели, / Тайно просится на дно?*») (Александр Блок, 1960–1963, т. 2, с. 249), в ней ощущается нечто торжественное и праздничное. Стихия метели оказывается одновременно и воплощением духа творчества, она раскрывает лирическому герою «*новые бездны*» (Александр Блок, 1960–1963, т. 2, с. 213). Обращаясь к третьему тому блоковской лирики и размышляя о цикле «Кармен», В.П. Енишерлов замечает: «...искусство актрисы сравнивается с неожиданностью стихии — бушующая снежная весна и мятущееся чувство Кармен равно сопоставляются в стихотворении, утверждающем всепокоряющую, захлестывающую силу искусства» [Енишерлов, 1980, с. 124]. Л.К. Долгополов, анализируя образный мир блоковской поэзии, приходит к выводу о том, что «*в какой бы форме ни выступила стихия, в слиянии с нею человек находит духовное раскрепощение*» [Долгополов, 1984, с. 84].

У Шаламова, как и у Блока, образ метели также становится одним из ключевых **в осмыслении частной судьбы художника и в его онтологической системе в целом**. Но семантическая сфера этого образа-символа у Шаламова существенно иная, нежели в блоковской лирике. Если у Блока мотив метели наделен весьма широким спектром смыслов и охватывает противоречивые, а порой и взаимоисключающие коннотации, то у Шаламова он ассоциируется чаще всего с сугубо негативным содержательным рядом. Достаточно вспомнить такие стихотворения, как «Скользи, оленья нарта...», «В этой стылой земле...», «Мне жить остаться — нет надежды...», «Я хочу, чтоб средь метели...» и др.

В стихотворении «Собаки бесшумно, как тени...» цикла «Синяя тетрадь» возникает образ беснующейся метели, угрожающей человеку и сметающей всё на своем пути:

*Все бьет, все слепит и воеет,
Пронзительно свищут леса,
И близко над головою
Изорванные небеса.
Упругая, ледяная
Идет ветровая стена.
А ты и на ощупь не знаешь —
Земля это или луна.*

(Варлам Шаламов, 2013, т. 3, с. 27–28).

Здесь метель, как часто бывает у Шаламова, — это не только природный образ, но и символ зла, античеловеческих начал, трактуемых не только социально-исторически, но и с бытийных позиций.

Образы метели и вообще зимы у Шаламова почти всегда содержат моральные коннотации. Зимний мир — это мир безжизненности, смерти. Постепенное формирование, вызревание подобных смыслов в лирике Шаламова ярко раскрывают его рукописи (РГАЛИ, фонд 2596). Так, например, рукопись стихотворения «Лед» показывает, насколько серьезные изменения претерпевал текст в процессе работы. В этом стихотворении возникает образ заледеневшей, замерзшей реки. Первая строфа в окончательном, опубликованном виде звучит так: *«Еще вчера была рекой / И вымерзла до дна, / И под людской хрустит ногой / Застывшая волна»* (Варлам Шаламов, 2013, т. 3, с. 222). В черновике же начальные две строки стихотворения выглядят иначе: *«Хрустит обретающая покой, / Застывшая волна»*¹². В черновике зимний образ содержал в себе некую положительную коннотацию: волна, замерзая, обретает «покой». В итоговом варианте положительный оттенок исчез: волна не «обрела покой», а «вымерзла». Приведенный пример ярко высвечивает характерный вектор осмысления зимних образов в лирике Шаламова — они связаны прежде всего с деструктивными, разрушительными началами и смертью. Е.В. Волкова, размышляя о «Кольымских рассказах», отмечает: *«Вечная мерзлота, холод и снег, злоеющая смертная белизна <...> становятся символами-опорами прозаического повествования»* [Волкова, 1997, URL]. Представляется, что приведенное суждение исследователя было бы в полной мере справедливо экстраполировать и на поэтическое мышление Шаламова.

В стихотворениях Блока образ метели часто парадоксально соотносится с контрастной семантической сферой: горение, огонь, пожар, и подобное оксюморонное единство раскрывает тесную связь мотива метели со сферами творчества и любви. Как отмечает К.А. Нагина, *«у Блока эмоционально-противоречивое переживание гибельного восторга, эстетизация смерти получают развернутую “метельно-огненную” символику»* [Нагина, 2011, с. 48].

У Шаламова мотив метели не обретает подобных коннотаций. Сферы холода и тепла, горения и застылости у Шаламова всегда поляризованы, они практически никогда не осмысливаются как единство. Мир снега и мрака противопоставит миру добра и света. Так, в упомянутом выше стихотворении «Я хочу, чтоб средь метели...» «вьюжное» и «че-

¹² РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 2.

ловеческое», мертвящее и жизненное явно противопоставлены друг другу. Натиску метели, «черной буре снеговой» контрастирует сфера мира и покоя, теплота домашнего очага.

Вместе с тем, в трактовке образа метели у Шаламова очевидны и элементы сближения с блоковским видением. В частности, речь идет о микроцикле Шаламова под названием «Метель», состоящем из двух стихотворений. Здесь, как и у Блока, очевидно соприкосновение образа метели с семантикой женственных начал бытия. В первом стихотворении этого цикла возникает параллель «метель — Богоматерь» («О, *Богоматерь Снежная...*» (Варлам Шаламов, 2020, т. 1, с. 383), — обращается лирический герой к метельной стихии). Во втором стихотворении метель предстает красавицей-невестой, таинственной возлюбленной — прочерчивается своего рода реминисценция к образу блоковской Снежной Девы. Точно так же, как и у Блока, женственный образ в шаламовском цикле несет в себе не только идеал красоты и притягательности, но и гибельное начало. Метельное брачное торжество становится одновременно и торжеством смерти — не случайно упоминается здесь «предсмертная рубаша», возникает образ рая, который провидит лирический герой в стихии метели, а в заключительных строках появляется мотив сна-смерти, очевидным образом противостоящий живым, жизненным началам. Но если в «Файне» или «Снежной маске» Блока мотивы гибели зачастую осмысливались в соприкосновении с семантическим рядом «вдохновение-искусство-творчество», то в приведенном стихотворении Шаламова мотив метельной гибели не связан с подобными коннотациями.

Блоковское начало в цикле Шаламова «Метель» очевидно проявляется не только в сближении образа метели с женственным началом, но и том, что метель здесь соотнесена с характеристикой внутреннего мира лирического героя. В подавляющем большинстве шаламовских стихотворений, проанализированных выше, метель является символом внешних сил, противостоящих лирическому герою и искалечивших его судьбу. В цикле «Метель» читатель встречает иное осмысление заглавного образа — как важнейшей грани душевной жизни лирического героя. Не случайно поэт здесь называет метель «моей» — ведь она становится самой сутью бытия лирического героя. В понимании метели как «души» художника Шаламов сближается с Блоком.

Помимо образа метели, который наиболее явственно и очевидно связывает поэтический мир Шаламова с блоковской традицией, есть и иные элементы, свидетельствующие о родстве и глубинной взаимосвязи двух художников. Речь идет, в частности, о понимании *целей и за-*

дач искусства. Как отмечал Ю. Шрейдер, «Шаламов один из тех поэтов, в творчестве которых не ощущается разрыва между поэтическим даром и верностью высшим духовным ориентирам» [Шрейдер, 1994, URL]. Шаламов размышлял об огромной нравственной, преобразовательной силе искусства, о том, что художественное творчество несет в себе не только собственно эстетические задачи, но и, в той же мере, задачи морального порядка. Оно воздействует на душу и сознание, дабы «сделать человека лучше» (Варлам Шаламов, 2013, т. 5, с. 12). К рассуждениям на эту тему Шаламов возвращался не раз — в письмах к Пастернаку от 24 декабря 1952 г., от 28 марта 1953 г., в очерках «О прозе», «Об одной ошибке художественной литературы» и др. Даже поздние высказывания Шаламова, отражающие якобы его неверие в искусство, касаются, на наш взгляд, лишь области социального воздействия художественного творчества, которую Шаламов, действительно, ставил под сомнение. При этом силу морального влияния искусства на личность Шаламов ни в коем случае не отрицал (см. подробнее: [Кротова, 2019]).

В этом отношении представления Шаламова коррелируют с блоковскими. Достаточно вспомнить статью Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» (1906), где обосновывается мысль о единстве «красоты» и «пользы» в искусстве, представление о непосредственном воздействии искусства на человеческую жизнь. Идея о том, что значение искусства далеко выходит за пределы сугубо эстетические, звучит и в других работах Блока, например, в статье «О театре» (1908): «...нигде не жизненна литература так, как в России, и нигде слово не претворяется в жизнь, не становится хлебом или камнем так, как у нас» (Александр Блок, 1960–1963, т. 5, с. 247).

Помимо определенной общности в понимании задач искусства, необходимо отметить и некоторые **особенности поэтической техники**, которые связывают Шаламова и Блока. Шаламов неоднократно отмечал исключительную значимость звукового компонента стиха, вообще фонетической стороны поэзии. Шаламов разработал даже теорию «звукового каркаса», «опорных трезвучий», которые являются основой стихотворения. По Шаламову, именно «звуковой каркас — главное для поэта», звук в стихотворении, отмечает Шаламов, «уже есть вид содержания» (Варлам Шаламов, 2013, т. 7, с. 254, с. 256). Свою мысль Шаламов доказывал на примере поэзии разных эпох, особенно останавливаясь и на блоковской лирике: «Великим мастером звуковой магии был Блок» (Варлам Шаламов, 2013, т. 7, с. 253). Уже современники обращали внимание на исключительную значимость фонетического компонента в блоковских стихотворениях. Так, Андрей Белый отмечал: «Александр

Блок — наиболее певучий поэт, осуществляющий музыку своих ритмов и красок, словесной инструментовки непредвзято, произвольно: аллитерации и ассонансы других модернистов все еще сидят на внутренней пульсации как-то внешне; и — отстают, как броня; расположение, сочетание блоковских слов произвольно сливаются с внутренним ритмом поэзии; чисто блоковские повторения слов, игра повторений — выражение ритма Музы» (Андрей Белый, 2004). Шаламов при размышлениях о фонетической организации блоковской поэзии обращается к стихотворениям «На островах» (Варлам Шаламов, 2013, т. 5, с. 112–114; 2013, т. 5, с. 33–34), «В ресторане» (Варлам Шаламов, 2013, т. 5, с. 139; 2013, т. 5, с. 22) и др. В лирике самого Шаламова звуковой компонент наделяется исключительной значимостью, что связывает поэта с символистской традицией в целом и, в том числе, с художественным мышлением Блока.

Поэтические миры Шаламова и Блока, на первый взгляд, кажутся весьма далекими друг от друга. Типично символистская идея двоемрия, так или иначе оставшаяся значимой на всем протяжении творческого пути Блока, — и практически полное отсутствие в мироощущении Шаламова каких бы то ни было мистических элементов. Черты романтической поэтики, столь явственно отразившиеся в поэтическом мире Блока, — и значительно менее ощутимые элементы влияния романтизма на мышление Шаламова. Многогранное, противоречивое и неисчерпаемое в своем творческом богатстве постижение мира города, свойственное Блоку, — и очевидно выраженная «природная» доминанта лирики Шаламова, отчетливо обозначенный натурфилософский вектор его поэтических размышлений. Но преемственность Шаламова по отношению к Блоку несомненна и еще требует дальнейшего научного исследования.

Библиографический список

Апанович Ф. Великий гнев — биография Варлама Шаламова в перспективе созданного автором мифа / пер. с польск. М. Глушко // *W kręgu literatury rosyjskiej*. Gdansk, 1996. URL: <https://shalamov.ru/research/148/>.

Волкова Е.В. Варлам Шаламов: поединок слова с абсурдом // *Вопросы литературы*. 1997. №6. URL: <https://shalamov.ru/research/57/>

Голубков М.М. Революция как метаморфоза: к вопросу об одной литературной полемике 1920-х гг. // *Литература и революция. Век двадцатый*. Вып. 4. М., 2018.

Долгополов Л.К. Александр Блок. Личность и творчество. Л., 1984.

Енишерлов В.П. Александр Блок. Штрихи судьбы. М., 1980.

Есипов В. Стихи после Колымы (поэтический дневник Варлама Шаламова) // Шаламов В. Стихотворения и поэмы : в 2 т. Т. 1. СПб., 2020.

Есипов В. Примечания // Шаламов В. Стихотворения и поэмы : в 2 т. Т. 2. СПб., 2020а.

Жаравина Л.В. Цикл А. Блока «Заключение огнем и мраком» в художественном контексте В. Шаламова: параллели и контрпараллели // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2017. №4 (117).

Жаравина Л.В. Поэзия как судьба. Мировые образы Варлама Шаламова. М., 2019.

Кротова Д.В. Суждения о поэзии в мемуарном и эпистолярном наследии В. Шаламова // Филология и человек. 2019. №2.

Нагина К.А. «Метельный» мир в творчестве А. Блока, А. Белого, В. Брюсова на фоне литературной традиции // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2011. Вып. 3.

Шрейдер Ю. «Граница совести моей» // Новый мир. 1994. №12. URL: <https://shalamov.ru/critique/205/>

Источники

Белый А. Поэзия Блока // Александр Блок: Pro et contra. СПб., 2004. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1917_poezia_bloka.shtml

Блок А. Собрание сочинений. В 8-и тт. М.–Л., 1960–1963.

Блок А. Записные книжки. М., 1965.

РГАЛИ. Фонд 2596. Оп. 3. Ед. хр. 183.

Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов // Шаламов В. Собрание сочинений. В 7-и тт. Т. 7. М., 2013.

Шаламов В. Записи о Блоке // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 183.

Шаламов В. Лед // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 2.

Шаламов В. Собрание сочинений: в 7 т. М., 2013.

Шаламов В. Стихотворения и поэмы: в 2 т. СПб., 2020.

References

Aranovich F. *Velikiy gnev — biografiya Varlama Shalamova v perspektive sozdannogo avtorom mifa*. [Great anger — a biography of Varlam Shalamov in the prospect of the myth created by the author]. In: *W kręgu literatury rosyjskiej*. [In the sphere of Russian literature]. Gdansk, 1996. URL: <https://shalamov.ru/research/148/>

Dolgoplov L.K. *Aleksandr Blok. Lichnost' i tvorchestvo*. [Alexander Blok. Personality and creativity]. Leningrad, 1984.

Enisherlov V.P. *Aleksandr Blok. Shtrikhi sud'by*. [Alexander Blok. Touches of fate]. Moscow, 1980.

Esipov V. *Stikhi posle Kolymy (poeticheskiy dnevnik Varlama Shalamova)*. [Poems after Kolyma (poetic diary of Varlam Shalamov)]. In: *Shalamov V. Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, 2020.

Esipov V. *Primechaniya* [Notes]. In: *Shalamov V. Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg, 2020a.

Golubkov M.M. *Revolyutsiya kak metamorfoza: k voprosu ob odnoy literaturnoy polemike 1920-kh gg.* [Revolution as metamorphosis: on a literary controversy of the 1920-ies]. In: *Literatura i revolyutsiya. Vek dvadtsaty.* [Literature and revolution. XX century]. Iss. 4. Moscow, 2018.

Krotova D.V. *Suzhdeniya o poezii v memuarnom i epistolyarnom nasledii V. Shalamova*. [Comments on poetry in V. Shalamov's memoirs and epistolary legacy]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 2.

Nagina K.A. *“Metel’nyy” mir v tvorchestve A. Bloka, A. Belogo, V. Bryusova na fone literaturnoy traditsii*. [The “snow-storm” world in the works by A. Blok, A. Bely, V. Brusov in the context of literature tradition]. In: *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg University]. Ser. 9. 2011. Iss. 3.

Shreyder Yu. *“Granitsa sovesti moey”*. [“The border of my conscience”]. In: *Novyy mir*. [New world]. 1994. No. 12. URL: <https://shalamov.ru/critique/205/>

Volkova E.V. *Varlam Shalamov: poedinok slova s absurdum.* [Varlam Shalamov: duel of words with absurdity]. In: *Voprosy literatury*. [Literature issues]. 1997. No. 6. URL: <https://shalamov.ru/research/57/>

Zharavina L.V. *Tsikl A. Bloka “Zaklyatie ognem i mrakom” v khudozhestvennom kontekste V. Shalamova: paralleli i kontrparalleli*. [Cycle by A. Blok “The spell by fire and darkness” in the context of art of V. Shalamov: the parallels and counter-parallels]. In: *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*. [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences]. 2017. No. 4 (117).

Zharavina L.V. *Poeziya kak sud’ba. Miroobrazy Varlama Shalamova*. [Poetry as destiny. World images of Varlam Shalamov]. Moscow, 2019.

List of sources

Bely A. *Poeziya Bloka* [Blok's poetry]. In: *Aleksandr Blok: Pro et contra*. [Alexander Blok: Pro et contra]. St. Petersburg, 2004. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1917_poezia_bloka.shtml

Blok A. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. In 8 vols. Moscow–Leningrad, 1960–1963.

Blok A. *Zapisnye knizhki*. [Notebooks]. Moscow, 1965.

Sirovinskaya I.P. *Moy drug Varlam Shalamov*. [My friend Varlam Shalamov]. In: *Shalamov V. Sobranie sochineniy*. [Collected works]. In 7 vols. Vol. 7. Moscow, 2013.

Shalamov V. *Zapisi o Bloke*. [Notes about Blok]. In: *RGALI*. [The Russian State Archive of Literature and Arts]. Fund 2596. Inventory 3. Unit 183.

Shalamov V. *Led*. [Ice]. In: *RGALI*. [The Russian State Archive of Literature and Arts]. Fund 2596. Inventory 3. Unit 2.

Shalamov V. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. In 7 vols. Moscow, 2013.

Shalamov V. *Stikhotvoreniya i poemy*. [Poems]. In 2 vols. St. Petersburg, 2020.